

УДК 81'44
ББК 81.002.1
А – 19

Аверьянова Елена Николаевна, магистр лингвистики, аспирантка переводческого факультета ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», e-mail: ea.queen-1973@yandex.ru

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ВНЕЗАПНОСТИ
В СООБЩЕНИЯХ ОБ ОТКЛОНЕНИИ ОТ НОРМЫ ОЖИДАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)
(рецензирована)**

Предмет статьи – выражение модально-оценочного значения внезапности как нарушения нормы ожидания. Объект – средства выражения внезапности в английском и русском языках, анализируемые с целью установления системно-языковых, концептуально-содержательных и функциональных особенностей их употребления в высказываниях. В результате устанавливается специфика формирования и функционирования высказываний, содержащих соответствующий авторский комментарий.

Ключевые слова: норма ожидания, модально-оценочная семантика, авторский комментарий.

Averyanova Elena Nicholaevna, Magister of Linguistics, post-graduate of the Translation Department of State Educational Institution of HPE "Pyatigorsk State Linguistic University», e-mail: ea.queen-1973@yandex.ru

**MEANS OF EXPRESSION OF SUDDENNESS SEMANTICS IN THE REPORTS OF
ABNORMAL EXPECTATIONS (ON THE EXAMPLE OF FICTION TEXTS)
(Reviewed)**

The subject of the article is the expression of modality-estimated value of surprise as a violation of expectations. The object - means of expression of suddenness in English and Russian languages analyzed with a view to establish system-linguistic, conceptually meaningful and functional characteristics of their use in statements. As a result, specificity of

formation and functioning of the statements containing the corresponding author's comment has been established.

Keywords: rate of expectations, modality-evaluation semantics, the author's comment.

Настоящая статья посвящена описанию результатов изучения средств выражения одного из модально-оценочных значений – средств выражения внезапности, используемых в речи для сообщения о непредвидимых событиях, аномалиях и отклонениях от нормального порядка вещей. Понятие нормы может быть отнесено к разным аспектам картины мира. Оно может обозначать любые виды и формы порядка, в том числе и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Соответствие норме установленному в результате прошлого опыта и содержащемуся в сознании человека представлению о порядке смены событий и их совместимости выражается в средствах логической связи [1, с. 65-75].

Разные исследователи выделяют разные виды норм. Родовой концепт нормы, который применим практически ко всем сферам жизни, включает ряд варьируемых признаков, среди которых выделяется признак абсолютности/относительности той или иной нормы, а следовательно, и возможности/невозможности отклонений от нее.

В целом в понятии о норме можно выделить три компонента:

1) отношение к заведенному порядку вещей (алетические факты); 2) отношение к понятию должного (деонтические нормы, связанные с прескрипциями), причем подчеркивается социальная и ситуативная обусловленность нормы; 3) отношение к системе ценностей. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, понятие нормы непосредственно связано с понятием аномалии, т.е. нарушения нормы [1, с. 69-75]. Это позволяет разграничить видовую норму, норму пропорции, ситуативную норму, или норму пригодности и норму ожидания, проявляющуюся в сообщении, когда сравнивают действительное положение дел с ожидавшимся или привычным.

Высказывания, объективирующие понятие аномалии как нарушения нормы ожидания, могут сообщать о редких или необычных сочетаниях качеств, состояний или ситуаций, которые в норме несочетаемы [2].

Ощущение аномалий как единичных и редких в жизни природы и человека событий может расцениваться как признак относительности нормы, определяющий наименьшую степень вероятности, в то время как отсутствие знаний и прошлого

опыта означает малую вероятность или невероятность их возникновения. И напротив, реализованная возможность отклонения от нормы ожидания предстает как невероятное, непрогнозируемое и внезапное событие. Ощущение аномалии может возникать, в том числе, вследствие наличия какого-либо «непорядка» в действиях или мыслях субъектов [1, с.87].

Таким образом, примеры нарушения нормы ожидания (аномалии) – это и непредсказуемые события, нарушающие заведенный порядок вещей (алетические факты), и нестандартное отношение к понятию должного (деонтические нормы, связанные с прескрипциями), и к системе ценностей (в аспекте аксиологического отражения мира), и нарушение логических принципов мышления (норм эпистемической логики).

В данном исследовании аномалии, или нарушения нормы ожидания, рассматриваются как противоречие между реально имеющим место и обычным, ожидаемым результатом развития событий. Когда в результате мысленного сравнения действительного положения дел с чем-то ожидавшимся или привычным автор или персонаж оценивает происходящее как нечто внезапное/аномальное, в качестве критерия этой оценки выступает несоответствие норме ожидания. Такие случаи нередко описываются в произведениях художественной литературы в высказываниях о нарушении нормы ожидания как внезапном наступлении событий и фактов, что и обусловило обращение к текстам этого стиля.

Так как между концептивной сферой и семантической сферой языка нет прямого соответствия, языковые единицы могут объективировать концепты с той или иной степенью полноты и репрезентировать их в высказываниях на разных уровнях концептуально-содержательной организации информации. Так, лексические единицы, выражающие значение внезапности, объективируют концепт нарушения нормы ожидания на лексико-семантическом уровне. Как вербальные оболочки концептов, объективирующие норму ожидания и ее нарушение, в речи выступают языковые выражения, относящиеся к разным уровням текстового членения и характеризующиеся разной степенью структурной и смысловой сложности.

С понятием внезапности как одной из нарушения нормы ожидания в английском и русском языках коррелирует множество слов разных лексико-грамматических классов и фразеологических сочетаний. Среди них выделяется группа лексических

единиц, устойчивых фраз и выражений, характеризующих события, действия и поступки как аномальные, неожиданные, внезапные, беспричинные и алогичные. Это, в частности, слова и эквиваленты слов *suddenly, unexpectedly, all of a sudden, вдруг, внезапно, ни с того, ни с сего, неожиданно* и т.д. Такие слова и выражения объединяются в лексико-семантическую группу, обладающую семантикой «внезапности». Это объединение возможно благодаря общему лексико-семантическому компоненту, объективирующему признак внезапности происходящего.

Наряду со словами, для которых значение внезапности является единственным (как в слове *вдруг*), в значениях других слов, обладающих семантикой внезапности, можно выделить также иные лексико-семантические компоненты, включая интеллектуально- и эмоционально-оценочные семы. Нарушение нормы ожидания является, по выражению В.И. Шаховского, «эмоциогенным» фактором, так то, что происходит, по мнению человека, внезапно, воспринимается им как аномалия, вносящая непредсказуемые изменения в существующий порядок/положение дел [3].

Если сопоставить группы слов и ФЕ, обладающих семантикой внезапности, в лексике английского и русского языков, то окажется, что эти единицы в обоих языках образуют полевые структуры. Кроме тех слов, в значении которых внезапность выступает в качестве родового компонента значения, в каждом языке имеются слова и фразеологизмы, в значении которых внезапность – характеризующий модально/оценочный компонент совмещена с разными дескриптивными компонентами. Среди таких номинативных единиц, в значении которых дескриптивное значение выражено синкретично с значением внезапности, можно обнаружить слова нескольких лексико-грамматических классов. Например, в английском языке это глаголы:

crash – have or cause to have a sudden violent and noisy accident; shatter – break suddenly and violently into small pieces; gasp – catch the breath suddenly and audibly; recoil – draw back suddenly in fear or disgust; overwhelm – overcome by force completely and suddenly; abscond – go away suddenly and secretly, especially after wrongdoing; rush – move suddenly with great speed; exclaim – utter suddenly because of strong feeling of pain; gulp – make a sudden swallowing;

– имена прилагательные и наречия:

abrupt – sudden and unexpected; very steep or sudden; abruptly – suddenly and surprisingly; hastily – said, made or done too quickly; instantly – at once;

– имена существительные:

gust – sudden rush of wind; pang – sudden, sharp feeling of pain in body or mind; panic – sudden uncontrollable fear; shock – a sudden and violent mental or physical impression; stitch – sudden, sharp pain in the muscles at the side of the body; squall – sudden storm of wind [4].

Такие слова могут рассматриваться как семантически двойственные. В структуре их значений фиксируется момент семантического перехода от одного типа объективируемого значения – к другому, но без утраты первоначального компонента значения. Смысловая общность между этими средствами объективации семантики внезапности заключается в том, что эти лексемы не имеют одного смыслового инварианта, но характеризуются особой семантической структурой, представленной в лексическом значении двумя и более центральными разнородными семантическими компонентами.

Наличие в словах и словосочетаниях общего оценочно-модального компонента внезапности позволяет объединить их по принципу понятийного поля, в центре которого находятся слова, являющиеся специальными средствами обозначения семантической категории внезапности, а слова, фразеологизмы и метафорические номинации, совмещающие выражение этой категории с выражением других лексико-семантических и лексико-грамматических категорий, находятся на его периферии. Чем более сложной является семантическая структура семантического сращения и чем дальше находится характеризующий семантический компонент от его родовой семы, тем дальше он отстоит от центра и тем ближе к периферии этого поля.

К числу семантических сращений относятся глаголы, характеризующие понятие нарушения *диахронической* нормы ожидания. Эта норма регулирует отношение настоящего действия/события к предшествующей или последующей ситуации, например:

abscond (скрыться) = go away suddenly, secretly, and aware of having done wrong;

jump (подпрыгнуть) = move quickly by the sudden use of the muscles of the legs;

vanish (исчезнуть) = suddenly disappear [5].

С точки зрения их концептуального содержания приведенные слова и

дефиниции – словосочетания – могут рассматриваться в качестве синкретичных и аналитических наименований, по-разному совмещающих категориальную семантику процесса, длительности и внезапности.

Некоторые глагольные единицы проявляют способность к совмещенному выражению категорий действия, каузации и результата. Но при наличии данных обязательных компонентов они могут различаться наличием/отсутствием маркера *совпадение действия с целью* при компоненте *результат*. В таких случаях проявляет себя действие одного из когнитивных механизмов, осуществляющих процессы концептуализации и категоризации мира с разными наборами концептов и категорий, отражающих и структурирующих знание о мире [6, с. 15, 189, 287]. Это когнитивный процесс *проекции* (англ. *projection*), или концептуального блендинга, определяемый как набор когнитивных операций, используемых для комбинирования концептов из разных доменов и фреймов знания [7]. Теория концептуального блендинга объясняет происхождение лексических единиц, совмещающих семантику внезапности с другими семантическими компонентами, как порождение «гибридных» объектов когнитивного знания, или концептуальных блендов.

С точки функциональной грамматики концептуальные бленды являются маркерами такого когнитивного знания, установление содержания которого требует обращения к ситуационному контексту. Поэтому проблема языковых средств объективации концепта нарушения нормы ожидания не может рассматриваться в отрыве от изучения высказываний и текстов. Эта проблема, в свою очередь связана с проблемой категориально-грамматических значений категориальных ситуаций [8].

Как показывает анализ практического материала, в ряде случаев при использовании слов со значением внезапности в высказываниях могут быть реализованы одновременно и характеризующий признак, и признак субъективной оценки. Рассмотрим эти случаи на примере высказываний со словами *suddenly* и *вдруг*.

Слово *suddenly*, наряду со значением быстроты совершаемого действия, может выражать негативную оценку внезапного, непредсказуемого поступка или поведения, связанного с повышенной эмоциональностью субъекта, например:

“For reply, she suddenly jabbed a knife across his thick, pale hand. He started up with a vulgar curse.” (Lawrence) (*В ответ, она неожиданно пронзила его толстую бледную руку ножом. А он разразился потоком ругательств.*)

В этом примере семантика внезапности эксплицирована дважды: в слове *suddenly* и в слове *start*, обозначающем внезапное движение, вызванное неприятным ощущением. В словаре под редакцией А.С. Хорнби это значение соответствует значению *start-4: make a sudden movement (from pain, surprise, fear etc.)* [9].

Этот смысл выражает в русском языке слово *несдержанность* (об отрицательной маркированности выражаемой этим словом оценки. В русском языке для выражения этой оценки может использоваться слово *вдруг* или *внезапно*; однако при этом определяющую роль играет контекст. Сравним, например, следующие фрагменты текста:

(1) «– Ну, что же это за!... – начал было администратор и вдруг услышал за собою голос, мурлыкнувший:

– Это вы, Иван Савельевич?» и

(2) «– Очень, очень приятно, – пискливым голосом отозвался котообразный толстяк и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что кепка слетела с головы администратора и бесследно исчезла в отверстии сиденья». (Булгаков)

В примере (1) слово *вдруг* имеет смысл *неожиданно*, а в примере (2) используется для обозначения *несдержанного*, т.е. эмоционально негативно оцениваемого поступка.

Приведенные факты позволяют предположить, что некоторые слова со значением внезапности могут при определенных условиях функционировать как модальные, при других – как семантические операторы, а в третьих – и как те, и как другие, так как находятся на периферии поля адвербиальной семантики и образуют зону перехода от наречий к модальным словам.

Средства выражения внезапности также участвуют в создании *темпоральной рамки* высказывания. Маркеры внезапности и быстроты усиливают фазисность события и усложняют ее соответствующей обстоятельственной характеристикой.

В высказываниях, функционирующих в английском тексте, выделяется группа глаголов, обозначающих как быстрые, стремительные, так и внезапные действия. Это, например, *shoot – move, come, go, send suddenly or very quickly; flush (of a person), become red of a rush of blood to the skin; rap out – say suddenly or sharply, blush, rush, dash, burst, strike etc.*

Эти глаголы содержат сему внезапности и потенциальную сему эмоциональной оценки. Использование таких глаголов способствует скрытой передаче значения логического следования описываемых событий – даже если сама по себе грамматическая форма сказуемого такого значения не имеет:

“Then he looked into her face and his eyes were suddenly shrewd and very sad.”
(Maugham) (Потом он посмотрел в ее лицо и вдруг его взгляд стал пронизательным и очень печальным.)

Глаголы *looked* и *were shrewd* воспринимаются как обозначающие предшествующее действие и внезапное наступление последующего за этим состояния субъекта речи, хотя и не выраженное средствами «явной», эксплицитной грамматики. Приведем еще один пример:

Now she seemed on a sudden to have an inkling of something remote and mysterious
(Maugham). (Теперь у нее казалось появилось подозрение о чем-то далеком и мистическом.)

Эта особенность характеризует высказывания о внезапности с точки зрения выражения категории таксиса:

“He opened the door and ushered the four strangers into the play-room.

Suddenly a silence fell, a slight embarrassment came over the company.” (Lawrence)
(Он открыл дверь и провел четырех незнакомцев в игровую комнату. Внезапно наступила тишина, легкое замешательство охватило компанию.)

Глаголы *opened* и *ushered* в первом предложении, как и *fell* и *came over* употреблены в одной временной форме – *Past Indefinite*, но смысл фрагмента таков, что событие, описанное во втором предложении, наступило после события, описанного в первом предложении. Этому способствует образование конструкции, в которой в качестве звена, разделяющего описание на два временные промежутка, выступает слово *suddenly*. То же явление можно наблюдать и на примере следующего ниже русскоязычного фрагмента, в котором использовано адвербиальное словосочетание *На третий день*, указывающее на развертывание событий в физической реальности, а также слово *вдруг*, указывающее, что модифицированные им обозначения действий персонажа *решился* и *разулся* произошли хотя и не по причине того но после того, о чем сообщается в первом предложении:

«От солнца, от голубого блеска поташнивало, горячие мурашки бежали под

шляпой по темени, он живьем сгорал, но не снимал даже пиджака, ибо, как многие русские, стеснялся «появляться при дамах в подтяжках», да и рубашка вконец излохмотилась. На третий день он вдруг решил и, озираясь исподлобья, разулся».
(Набоков)

Тот смысл, который в английском примере выражается, прежде всего, адвербиально, в русском примере выражают видовые формы глагольных действий.

Как показал проведенный анализ категориально-грамматических значений и структуры высказываний о внезапности как нарушении нормы ожидания, в них репрезентируется аспектуально-таксисная категориальная ситуация типа «длительность → внезапное наступление факта». В высказываниях об аномальных следствиях реализуется два варианта аспектуально-таксисной категориальной ситуации: «желание, готовность, наличие предпосылок для того, чтобы совершилось событие или осуществилось действие → наступление факта, препятствующего их осуществлению» и «длительность → неожиданное наступление факта». Эти варианты КС «длительность – наступление факта» наблюдаются в обоих сравниваемых языках, но характеризуются различием в выражении видовых и объективно-модальных значений».

Познавательный-эстетический концепт нормы ожидания, реализуемый в содержательной сфере текстов художественной литературы, репрезентируется в предложениях-высказываниях, СФЕ и в текстовых фрагментах разного формата, в том числе в абзацах и тематических отрезках, характеризующихся различиями модального характера. Но если в логике различие суждений по модальности определяется объективными научными данными, то в обыденном общении модальность высказывания, репрезентирующая концепт вероятности, зависит, в том числе, от жизненного опыта и субъективных мнений лица, высказывающего то или иное суждение.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В системах английского и русского языков значение нарушения нормы ожидания объективируется группами слов, относящихся к разным лексико-грамматическим классам. К ним относятся наречия, имена прилагательные, глаголы и имена существительные, образующие полевую структуру. Слова с родовым значением внезапности – *suddenly* и *вдруг* образуют центр поля. Кроме того, в число элементов

поля входят устойчивые словосочетания идиоматического характера и семантические бленды – слова с совмещенными значениями, образующие зону перехода от модальных (вводных) слов к наречиям, глаголам и именам существительным, а также метафорические выражения.

2. Слова *suddenly* и *вдруг* являются в соответствующих языках квазипредикатами, в свернутой форме репрезентирующими субъективно-оценочные речевые акты говорящего, воспринимающего описываемое в пропозитивной части положения дел как невероятное (непредсказуемое).

3. В системах обоих языков средства выражения внезапности выступают как знаки первичной и вторичной номинации, но в тексте они ведут себя также как коннекторы и знаки иллокуции.

4. В высказываниях на обоих сопоставляемых языках, объективирующих понятие о нарушении нормы ожидания, реализуется категориальная аспектуально-таксисная ситуация «длительность → внезапное/неожиданное наступление факта».

5. Использование в текстах художественной литературы высказываний, содержащих маркеры внезапности, можно рассматривать как реализуемую автором возможность привести к взаимнооднозначному соответствию языковые средства, имеющие определенное понятийное содержание, свои знания, верования, мнения и эмоции.

6. Отсутствие языковых средств экспликации признака нарушения нормы ожидания в текстах художественной литературы может интерпретироваться как особый стилистический прием обманутого ожидания.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.

2. Ажеж К. Хитросплетения речи: прерывания речевой цепи, двусмысленности, перифрастические вольности, коннотативные изломы // Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.

3. Шаховский В.И. Эмотивный код языка // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 5-18.

4. Rowe, A., Rowe, J. The Word Finder Basil Blackwell / A. Rowe, J. Rowe. 1987. 191 с.
5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / A.S. Hornby. Oxford: Oxford University Press, 1982. V. 1. – 509 p.; V. 2. 527 p.
6. Кубрякова Е.С. Описание частей речи в когнитивном плане // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 15, 189-287.
7. Coulson, S. Conceptual blending in thought, rhetoric and ideology / S. Coulson // Cognitive Linguistics: Current Applications and Future perspectives. Berlin: Mouton Press, 2006. P. 187-208.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: УРСС, 2003. 207 с.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. Oxford: Oxford University Press, 1982. V. 1. 509 p.; V. 2. 527 p.